

7. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. Москва: АСТ, 2000.
8. Фромм Э. Революция надежды. Санкт-Петербург, «Ювента», 1999.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М, ООО Изд-во АСТ, ЛТД, 1998.
10. Фромм Э. Душа человека. М., «Республика», 1992.
11. Головки Ю.В. Этика ответственности – актуальные проявления. Вестник МГУЛ, №2 (78) 2011.

П.Б. Струве и Г.В. Плеханов: к истории одной полемики

к.ф.н. Головин Я.Б.

Университет машиностроения

yarosgolo@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена полемике между П.Б.Струве и Г.В.Плехановым в конце XIX – начале XX века по главным проблемам марксистской теории: возможности и необходимости социализма, теории обнищания пролетариата, марксистской формуле противоречия, теории социальной революции, законам диалектики. Доказывается обоснованность аргументов Струве в его критике основ марксизма.

Ключевые слова: марксизм, социализм, социал-демократия, ревизионизм, Струве, Плеханов.

Русский марксизм в конце XIX – начале XX века развивался под знаком двух фигур – Г.В. Плеханова(1856-1918) и П.Б. Струве (1870-1944). В то время эти два мыслителя своей известностью и влиянием на интеллектуальную жизнь России совершенно затмевали фигуру провинциального адвоката – В.И. Ульянова (Ленина), мировоззрение которого формировалось под влиянием этих двух мыслителей. Русский эмигрант Г.В. Плеханов был фигурой европейского масштаба, с начала 90-х годов он публиковался в европейских социал-демократических изданиях, находился в переписке с ведущими деятелями европейской, прежде всего немецкой социал-демократии, в том числе с Энгельсом. Начиная с середины 90-х годов и до начала нулевых главным теоретиком марксизма внутри России был П.Б. Струве. Среди прочего он был автором статей о Марксе и европейских социал-демократах (Каутском, Лассале и др.) в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, под его редакцией вышло в 1899 году очередное издание «Капитала», в предисловии к которому он выделил три источника, три составные части марксизма, известные всем советским школьникам. Тем интереснее разногласия Струве и Плеханова, вышедшие на поверхность в 1899 году и позже. В российской политической истории были свои Бернштейн и Каутский, аргументы которых вот уже более ста лет повторяют в своих спорах радикалы и реформисты в левом движении. Советский марксистский канон сформировался во многом на базе той полемики, и, разумеется, именно аргументы Плеханова были приняты как истинные. Ведь Ленин эту часть творчества Плеханова оценивал очень высоко, он писал, что Плеханов «крупный теоретик, с громадными заслугами в борьбе с оппортунизмом, Бернштейном, философами антимарксизма», что «... нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» [1]. В эпоху новой России результаты той полемики оказались непременными, а ведь Струве отстаивал идею построения социально ориентированного государства без насилия и революций. Что на данный момент является общим местом риторики почти всех российских политических сил. Ведущий исследователь творчества Струве американский советолог Р. Пайпс указывает в своём главном труде [2], в соответствующем разделе, на существование критических статей Плеханова, но никак их не анализирует. Цель данной статьи – на базе малоизвестных источников – «ревизионистских» статей Струве 1899 года [3, 4] и ответных статей Плеханова 1901-1902 гг. [5] – показать, как формировалась социал-реформистская (то есть социал-демократическая в европейском

смысле) идеология с одной стороны и как формировалась радикальная версия социализма (фактически, «марксизм-ленинизм») с другой стороны.

Отношения между двумя ведущими русскими марксистами 90-х годов Г.В. Плехановым и П.Б. Струве с самого начала нельзя назвать безоблачными. Они переписывались, встречались, вместе представляли Россию на Конгрессе социалистического интернационала в Лондоне в августе 1896 года. При встречах всегда спорили, но, следуя негласной договорённости, не выносили своих разногласий вовне. Всё изменилось в 1899 году после того, как Бернштейн активизировал свою деятельность в Германии и наличие раскола в мировом социалистическом движении стало достоянием широкой публики. Это подтолкнуло Струве высказать все свои сомнения.

В 1899 году в Германии на немецком языке в журнале «*Archiv für Sozialt Gesetzgebung und Statistik*» вышла статья Струве «*Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung. Ein kritischer Versuch*» («Марксова теория социального развития. Критический опыт»). Несмотря на то что это был основной текст российского варианта ревизионизма, авторского перевода статьи на русский язык не существовало, а вышедший в 1905 году без ведома Струве перевод [6] удостоился его уничижительного отзыва. Эта статья – итог десятилетнего марксистского этапа в философской эволюции Струве, большинство положений этой статьи он разделял и всю последующую жизнь. Когда в 1922 году Струве решил систематизировать свои взгляды на социализм и напишет статью «Социализм. Критический опыт» [7], то он вспомнит свою итоговую марксистскую статью и будет цитировать без изменений большие фрагменты, полностью разделяя свои прошлые идеи и оценки.

К этой статье по содержанию примыкает другая работа Струве – немецкоязычная рецензия на две книги: на главную ревизионистскую книгу Бернштейна «Условия возможности социализма и задачи социал-демократии» и на ответную книгу защищающего ортодоксию К.Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа». Рецензия была напечатана в том же самом номере немецкого журнала «*Archiv für Sozialt Gesetzgebung und Statistik*», что и статье о марксовой теории социального развития. Статья и рецензия принципиальны не только в философской эволюции Струве, но они занимают важное место в формировании ревизионизма как мирового явления. Когда Каутский через несколько месяцев после издания книги редактировал французское издание, то посчитал необходимым ответить в нём именно на замечания Струве.

Г.В. Плеханов в конце 90-х годов видел свою основную задачу в борьбе с ревизионизмом. И когда ведущий, наряду с ним самим, русский марксист открыто стал на сторону Бернштейна, то он обрушил на него всю тяжесть своей критики. В 1901-1902 годах Плеханов написал три статьи под общим названием «Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития». Они сначала вышли в издаваемом за рубежом журнале «Заря» (№ 1, № 2-3, № 4), потом были помещены в вышедшем в России сборнике Плеханова «Критика наших критиков». Когда в 1920-х годах Институтом Маркса и Энгельса издавалось 26-томное собрание сочинений Плеханова, то редакторы взяли за основу текст «Зари». Эти три полемические статьи по объёму более чем в два раза превышают критикуемый текст. В 1901-1902 году Струве уже идейно отошёл от марксизма, организационно порвал с социал-демократией и был погружён в издание журнала «Освобождение». Так что отвечать Плеханову, чтобы защищать свои взгляды, ему не было смысла, взгляды изменились, нужно было ответить в первую очередь себе самому. Что он и сделал в статье «К характеристике нашего философского развития».

Для удобства разобьём содержание статьи Струве на несколько смысловых частей и возражения Плеханова будем описывать и анализировать тут же.

1. Первое возражение Струве Марксу состоит в том, что тот неправомерно истолковал правильно выделенные тенденции развития капитализма XIX века.

Таких тенденций Маркс по Струве выделил три:

- a. Производительные силы общества развиваются под руководством буржуазии в форме анархически конкурирующего хозяйства. При этом происходит концентрация производства в руках крупной буржуазии.
- b. Упадок низших классов (теория обнищания) и разложение средних классов.
- c. Появление революционного пролетариата.

Эти три тенденции, три группы факторов были взяты Марксом из реальности, поэтому Струве называет марксизм в этой части реалистичным. Но вот их истолкование в том смысле, что они приведут к социализму (а социализм это «обобществление производства на основе общественной собственности на средства производства и уничтожение всякой формы классового господства» [3, с.75]) превращает реалистическую теорию в утопическую. В рецензии на книгу Бернштейна Струве писал: «Для меня является психологическим фактом, что Маркс всегда исходил из социализма как готового тезиса. Как исследователь, он обязан этой предубеждённости не только своими ошибками, но и своими блестящими достижениями» [4, с. 50]. Примерно об этом же писал и Бернштейн. Плеханов на этот вызов прямо не ответил, ортодоксальный ответ уже имелся в книге Каутского, который утверждал, что Маркс к идее социализма пришёл в результате двойного исследования: «Первое исследование завершилось коммунистическим манифестом. Однако Маркс считал свой тезис настолько незавершённым, что он после революции начал на новом материале всё сначала. При этом он пришёл, по существу, к тому же результату, что и в первый раз» [4, с. 50]. Здесь мы видим коренное различие мировоззренческих оснований у ревизионистов и ортодоксов: у первых есть субъективная убеждённость, что наступление социализма никак не выводится из наблюдаемых фактов и тенденций, у вторых – что выводится.

2. Второе возражение примыкает к первому. Струве уверен, что нищий пролетариат никак не может быть способен построить социализм: «Для Маркса социализм безоговорочно означал расцвет культуры. Для своего социализма он требовал всех культурных достижений буржуазии. Пока прогрессирующее обнищание народных масс было совершенно неоспоримым фактом и понималось как неустранимая имманентная тенденция господствующего экономического строя, наступление социализма, перенимающего все культурные успехи буржуазного общества и развивающего их дальше, было попросту невозможным» [3, с. 76]. При тех тенденциях будущее не сулило ничего хорошего и реалистичным был только социальный пессимизм, добавляет Струве.

Если Струве утверждает, что пролетариат не способен построить социализм, то Плеханов готов спорить только с тезисом, что пролетариат не способен совершить социалистический переворот. В его интерпретации идея Струве состоит в том, что «обнищание рабочих несовместимо с такой зрелостью этого класса, которая сделала бы его способным совершить социалистический переворот» [5, с. 143]. И это не случайно. Для Плеханова социализм наступит автоматически после революции, так же как капитализм наступил во Франции после Великой французской революции. Так же как никто во Франции специально не строил капитализм, а для его развёртывания во всей полноте было достаточно смести абсолютистскую (феодалную по своим корням) власть, так же не нужно будет как-то специально строить социализм после социалистической революции. А Струве мыслит переход от капитализма к социализму, да и от одного социально-экономического строя к другому как длительный процесс, для которого нужен социальный архитектор.

Плеханов возражает: «Указывая на рост нищеты и т. д., Маркс указывал также и на «возмущение рабочего класса, который постоянно растёт и постоянно обучается, объединяется и организуется самим механизмом капиталистического процесса производства» (курсив наш). Взгляните на Францию или на Германию. Несмотря на быстрый рост преступности, проституции и других признаков духовного падения некоторых элементов трудящейся массы, рабочий класс, взятый в его целом, становится все более сознательным и все более проникается социалистическим духом. Ухудшение общественного положения пролетариата во все не равносильно созданию условий, затрудняющих развитие его классового самосозна-

ния» [5, с. 238]. Характерно, что Плеханову нечего сказать про рост культуры у пролетариата. Вот классовое самосознание растёт. Он вообще не упоминает про культуру, мышление в парадигме «повышение культуры, некультурность – культура» было для марксистов нехарактерно, зато характерно для Струве.

Я полагаю, аргументы Струве не только логически неопровержимы, но и практика доказала его правоту. Ведь мы помним, что в советском марксистско-ленинском каноне пролетариат рассматривался как строитель нового общества и, соответственно, рабочий сам по себе без дополнительного образования считался способным быть руководителем любого уровня, военачальником, вершить суд, правильно оценивать произведения литературы и искусства и т.д. На уровне пропаганды это было так, но жизнь брала своё и ни к каким ответственным решениям рабочих не допускали.

3. Марксистское представление о том, что, с одной стороны, всё больше увеличивается нищета рабочих, а с другой стороны, всё сильнее растёт богатство небольшого числа собственников, и это противоречие разрешается социальной революцией, исходит из неправильного представления о противоречии. Струве указывает, что, по Марксу, противоречие может развиваться только усилением обеих сторон конфликта и последующим взрывом (переходом количества в качество). Он рисует схему: с одной стороны некое А растёт так: А, 2А, 3А ... nА; и некое В растёт также: В, 2В, 3В... nВ, а потом после взрыва В исчезает. Но ведь чаще противоречия разрешаются не обострением, а постепенным ослаблением одной из противоборствующих сторон, то есть В изменяется так: В, 2В, 3В, 2В, В, 0. Иногда же противоположные явления могут приспособиться друг к другу (и притупиться, говорит Струве), качественно измениться, и противоречие исчезнет.

Плеханов возражает, что вряд ли кто из серьёзных марксистов готов признать ту формулу, которую Струве считает марксистской. Для её опровержения он подробно описывает предысторию Великой французской революции. Плеханов указывает, что борьба третьего сословия с аристократией началась ещё в XIII веке и не прекращалась вплоть до 1789 года: «Победы, которые одерживала стремившаяся вперед буржуазия, постоянно видоизменяли феодальный общественный строй, беспрестанно внося в него те или другие, более или менее значительные *реформы*. Казалось бы, что эти реформы должны были *«притуплять»* противоречия, существовавшие в недрах феодального общества, и тем готовить мирное, постепенное, почти незаметное торжество нового порядка. На деле вышло, как известно, иначе. Реформы, которых удавалось добиться буржуазии, не только не *«притупляли»* противоречий между ее новаторскими стремлениями и старым общественным порядком, но, совершенно наоборот, давая новый толчок росту ее сил, они еще более развивали эти стремления и тем еще более *обостряли* это противоречие, постепенно подготавливая ту общественную бурю, с началом которой речь пошла уже не о *реформе*, а о *революции*, не о *преобразованиях внутри старого* порядка, а о *полном его устранении*» [5, с. 143]. Марксистская формула противоречия по Плеханову выглядит так: первый ряд без изменений: А, 2А, 3А... nА, mА. Второй же ряд так: nВ, (n-1)В, (n-2)В... В, ½ В. Второй ряд отражает «постоянные переделки старого порядка, уступки, вырывающиеся новаторами у консерваторов» [5, с. 177]. Почему первый ряд заканчивается не (n+1)А, а mА; и почему второй ряд заканчивается не 0, а ½ В, необъяснимо. Может имеется в виду, что и в социалистическом обществе останутся элементы капитализма?

Формулы Струве адекватны его мысли. Допустим, что А и В – это заряженные тела, тогда степень противоречия аналогична силе взаимодействия между ними. В первой формуле Струве с течением времени сила взаимодействия растёт, во второй – сначала растёт, потом убывает. А вот у Плеханова в его формуле сила (= степень противоречия) не растёт от начала до конца и идею Плеханова об обострении противоречия никак не отражает. Поэтому Плеханову пришлось писать третью строчку, выражающую степень противоречия, и она выглядит так С, 2С, 3С... nС, mС.

Но в целом никакой логики в рассуждениях Плеханова не видно. Феодальный строй

постепенно видоизменялся, реформировался, в нем появлялось всё больше буржуазных элементов. Какие основания при этом утверждать, что противоречия чем дальше, тем больше обострялись? У Плеханова вроде бы есть железный аргумент – революция! Которая окончательно смела феодальные порядки! Так это во Франции была чёткая граница в виде революции между феодальным и капиталистическим строем (мы условно пользуемся марксистскими терминами), а в десятке других европейских стран никакой чёткой границы между двумя типами строя выделить не удаётся. Где-то были политические потрясения, которые можно условно назвать буржуазными революциями – в Англии, Голландии, а где-то такой переход обошёлся без всяких потрясений – в Швеции, Дании. Да, собственно, и в той же Германии. В целом можно сказать, что революция как политический переворот совсем не есть необходимый этап в смене одного строя другим. Там, где монархическая власть слышала веяния времени и проводила необходимые преобразования, обходилось без потрясений, а тех, кто опаздывал с переменами, наказывала история.

4. Основная идея статьи состоит в том, что главное достижение Маркса (от которого Струве не отказывается): материалистическое понимание истории противоречит марксистской концепции социальной революции. Это противоречие выражено в знаменитом отрывке из предисловия «К критике политической экономии» (и Струве, и Плеханов его цитируют и комментируют): «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни общества... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке (т.е. правовых и политических учреждениях, которым соответствуют определённые общественные формы сознания. – П.С.)... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [3, с. 81].

Интерпретируя эти положения марксизма, Струве использует термины «хозяйство» и «право». Он видит в цитированном отрывке идею, что приспособление права к хозяйству есть нормальная форма их взаимного существования. Но иногда между правовыми и хозяйственными отношениями происходит расхождение. Далее у Струве следует фраза, что у Маркса «материальные производительные силы, с одной стороны, и производственные отношения, с другой, которые суть не что иное, как абстрактные общие выражения конкретных хозяйственных и правовых отношений, приобретают самостоятельность как своеобразные сущности или “вещи”» [3, с. 81]. Из этой фразы следует, что в данном контексте для Струве «хозяйство» = «производительным силам», а «право» = «производственным отношениям». По крайней мере, если Маркс писал, что социальная революция происходит в результате конфликта между производительными силами и производственными отношениями, то по Струве, «Маркс представлял себе социальную революцию как грандиозный конфликт хозяйства и права, который с необходимостью достигает высшей точки в решающем событии, в настоящей “социальной революции”» [3, с. 82]. Струве утверждает, что неразрешимый конфликт между хозяйством и правом надуман. Это есть результат некритичного выделения из единого ряда экономико-правовых феноменов отдельно хозяйства, отдельно права: «В действительном обществе нет ни абсолютного противоборства права и хозяйства, ни их абсолютной гармонии, но есть постоянные частичные конфликты и согласования хозяйственных и правовых явлений» [3, с. 88]. Изменение правовых отношений такой же длительный процесс, как и изменение хозяйственных отношений и никакой социальной революции при та-

ком подходе места не остаётся: «Понятие социальной революции, как теоретическое понятие, не только бесполезно и нецелесообразно, но прямо вводит в заблуждение. Если «социальная революция» должна обозначать полный переворот социального строя, то для современной мысли таковой представляется лишь как длительный, непрерывный процесс социальных преобразований. Даже если и допустить, что политическая революция станет заключительным звеном этого процесса, всё-таки то, что придаёт этому процессу характер переворота, отнюдь не зависит от такого события и прекрасно может мыслиться без него. Для Марксовой теории усиление противоречия между правом и хозяйством революция, снимающая это противоречие, была логически необходимой. Для того, кто отвергает формулу противоречия в её общезначимости, социальная революция является лишь иным названием социальной эволюции и её результатом, а не новым понятием» [3, с. 90].

Идея Струве состоит в том, что, с одной стороны, ортодоксы полагают, что экономика определяет правовые институты общества, а с другой стороны, необходимым образом противоречия между ними настолько должны усилиться, что произойдёт революция. Таким образом, заключает Струве, ортодоксы отказались от материалистического понимания истории в пользу идеи социальной революции.

Возражения Плеханова на 90% есть не возражение против идей, идей он упорно стремится не замечать, а есть казуистика, стремление поймать оппонента на нечёткости терминологии, да и на противоречии букве марксистского учения. Как Струве может утверждать, что социальная революция происходит в результате конфликта между хозяйством и правом, если у Маркса четко написано: между производительными силами и производственными отношениями (имущественными отношениями, как переводит Плеханов)?

Плеханов идёт по простому пути: вот Струве говорит, что термин «хозяйство» подразумевает и капиталистический хозяйственный порядок, значит, под «хозяйством» он понимает то, что Маркс под «производительными отношениями» (которые сводятся к имущественным), значит, он считает, что, по Марксу, основное противоречие общества – это противоречие между имущественными и правовыми отношениями! [5, с. 150]. Но допустим, под хозяйством он понимает хозяйственные явления, возьмём такое хозяйственное явление, как кризисы, неужели же они противоречат буржуазному праву? [5, с. 157].

Полагаю, что Струве начал использовать термины «хозяйство» и «право» не случайно. Если говорить о материалистическом понимании истории и революции марксистским языком, то всё выглядит логично и непротиворечиво: надстройка определяется базисом и, следовательно, не может ему противоречить, но производительные силы могут вступать в противоречие с производственными отношениями, и, когда вступают, происходит революция. Как говорит Струве, часто неясности скрываются под неясными и абстрактными выражениями и недоразумения словно бы устраняются. Поэтому Струве решил заговорить о социальной революции не марксистским, а общепринятым языком, и противоречия сразу стали видны. Другое дело, что ортодоксальные марксисты не согласились отказаться от марксистского языка, они его считали адекватным.

По Плеханову, консервативным элементом в усиливающемся противоречии являются обязательно отношения собственности, а не правовые отношения в целом. Там, где он доводит мысль Струве до абсурда, он патетически восклицает, что, по Струве, «сущность современного, так называемого социального вопроса заключается в противоречии между имущественными отношениями, например, нынешней буржуазной Франции и ее Code Civil» [5, с. 150]. Но если отвлечься от взятых в полемических целях «имущественных отношений», что получится такого уж неудобоказуемого и баснословного, как выражается Плеханов, в мысли, что Гражданский кодекс (условно говоря) мешает французскому обществу развиваться? Неужели только законы, определяющие форму собственности, могут не устраивать рабочих или вообще революционеров?

5. Струве показывает себя последовательным противником гегелевской диалектики для обоснования марксистских постулатов. В частности он против использования закона пе-

перехода количества в качество при обосновании социальной революции. Главная его идея состоит в том, что для нашего познания нечто при изменениях остаётся тем же самым только тогда, когда оно изменяется непрерывно, без скачков. (Марксистского) Гегеля он побивает Кантом. Струве цитирует большой отрывок об изменениях из «Критики чистого разума», завершающейся словами: «...новое состояние реальности вырастает из первого состояния, в котором её не было, проходя через бесконечный ряд степеней...» [3, с. 99]. Он вслед за Кантом убеждён, что постоянство всякого изменения является необходимым гносеологическим условием его постижимости, а следовательно, предпосылкой научного подхода. Старый закон *natura non facit saltus* (природа не делает скачков) должен быть заменён другим законом *intellectus non patitur saltus* (интеллект не терпит скачков). Любая «теория революции» оказывается невозможной: «Понятие революции изгоняется в ту область, в которой со времён Канта находятся свобода воли, субстанциальность души и т.п. – это в высшей степени важные практически, но теоретически непригодные понятия» [3, с. 102].

Гегелевский закон перехода количества в качество есть только логическое выражение, характеризующее радикальное, но непрерывное изменение одной и той же вещи. При социальной революции такой непрерывно меняющейся вещью является общество. Социализм может вырасти только из капитализма. Если же мыслить социализм как нечто полностью противоположное, сущностно отличное от капитализма, то тогда он будет невозможен. «Чтобы доказать необходимость страстно ожидаемого невозможного, на помощь призывают социальное чудо – социальную революцию» [3, с. 103].

Пусть действительность противоречива и текуча, «диалектична», но мышление должно опираться на постоянство и определённости понятий и суждений. Такой завет Канта усвоил Струве. Он пишет, что в этой статье не место для обстоятельной критики «диалектики», но в своей неподражаемой манере делает это афористически: «Если действительность «диалектична», то логическое, и потому научное мышление – по своей сути – недиалектично. Распространённой манере выставлять в противоположность «диалектике» (то есть текучести реального) неподвижность мышления как неизбежную слабость человеческого духа может быть с тем же правом противопоставлен взгляд, что лишь неподвижному мышлению с его постоянными представлениями и понятиями удаётся практически и теоретически преодолеть «природную анархию» «диалектической» действительности, то есть мира непосредственных ощущений... Как изменчивое, так и неизменное в мире усваивается благодаря неизменным понятиям человеческого познания» [3, с. 108]. Да, собственно, продолжает Струве, никакой марксист-диалектик никогда последовательно диалектику не использует: «Диалектический материализм конструирует свою картину исторической эволюции по большей части с помощью до педантичности неизменных, прямо-таки религиозных в их неподвижности и абсолютизме понятий: «социализм, «класс» и т.д.» [3, с.108].

Это происходит потому, что теоретическому мышлению навязываются идеалы социальной борьбы. Но идеи и идеалы, вполне правомерные, может быть, для некой борющейся социальной группы, нельзя автоматически делать аксиомами и постулатами теории, объясняющей развитие общества, заключает Струве. Социальная практика и социальная теория – это автономные миры. «Социализм» – это в первую очередь идеал социальной борьбы, в нём очень мало науки, поэтому неправильно говорить о «научном социализме».

В марксистской теории социальной революции получается, что ежедневная реальная классовая борьба рабочих не имеет самостоятельного значения, это всего лишь вид политической тренировки рабочего класса перед решающей битвой. Но ведь Струве отвергает эту последнюю решающую битву, ведь социализм вырастет из капитализма и будет достигнут не в результате обострения классовой борьбы, а медленным эволюционным путём ослабления классовых противоположностей.

Теоретическим рассуждениям Струве Плеханов противопоставляет примеры, которые вроде бы опровергают Струве. Первый пример: «Если понятие *социальная революция* не вы-

держивает критики, то спрашивается, как же быть с теми социальными революциями, которые уже совершались в истории? Считать ли их *не совершившимися* или признать, что они не были революциями в том смысле, какой придают этому слову правоверные марксисты? Но если мы даже и скажем, что, например, Великая Французская Революция на самом деле вовсе не имела места, то ведь этому вряд ли кто поверит... По мнению правоверных марксистов, Великая Французская Революция была социальной революцией в полном смысле этого слова» [3, с. 241]. Ответ Струве можно предугадать из содержания статьи. То, что мы называем Великой Французской революцией, есть не социальная, а политическая революция. Социальная революция во Франции, а именно переход от феодализма к капитализму, заняла несколько веков и вполне могла бы обойтись без революции в смысле насильственной смены власти.

Второй пример Плеханова: «Когда тает воск, положенный в печку, то в его состоянии происходит целая революция: он *был* твердым, он *стал* жидким. И хотя эта коренная перемена, конечно, предполагает более или менее *«непрерывный»* процесс более или менее *«постепенного»* нагревания воска, но сама-то она совершается не *«постепенно»*, а именно *вдруг*, как только достигнута необходимая для таяния высота температуры. Тут происходит самый несомненный *«saltus»* (скачок). А г. П. Струве взялся показать нам, что природа скачков не делает и что интеллект их не терпит. Как же это так?» [3, с. 243]. Пример Плеханова совершенно неудачный. Воск – это аморфное тело, никакой температуры плавления у воска нет, он размягчается, а потом разжижается непрерывно при повышении температуры. Кроме аморфных есть кристаллические тела, которые действительно меняют фазовые состояния при определённой температуре. Допустим, Плеханов привёл бы более удачный пример: таяние льда. Если мы будем нагревать пробирку со льдом, превращение льда в воду произойдёт не *«вдруг»*, как пишет Плеханов, а постепенно. Некоторое время в пробирке будет находиться смесь льда и воды. Социализм будет существовать вместе с капитализмом, причём со временем социализма=воды будет становиться больше, а капитализма=льда – меньше. Как и полагает Струве.

Можно было бы возразить Плеханову, указав на существование как аморфных, так и кристаллических тел, что в природе количество в качество переходит иногда непрерывно, иногда скачком. Это был бы хороший полемический приём. Но мы бы погрестили против истины. Количество чего у кристаллических тел переходит в качество? По Плеханову ведь получается, что количество температуры! Переход кристаллического тела из твёрдого в жидкое состояние – это скачок формальный, скачок на графике зависимости фазового состояния от температуры. Если мы будем рассматривать изменения во времени, что и соответствует рассматриваемой аналогии, то, по-видимому, никаких скачков природа действительно не делает, бывают очень быстрые изменения, но не скачки в смысле разрывов непрерывности.

Ещё пример Плеханова: «Когда кислород соединяется с водородом, то проходит ли вновь возникшая молекула воды через *«все бесчисленные степени»*, которые отделяют ее от молекулы водорода (или кислорода)? Мы не думаем. И не думаем по той простой причине, что промежуточных *«степеней»* между водой и составляющими ее элементами невозможно себе и представить. *Такого рода непрерывность немыслима; ее «не терпит интеллект»*» [5, с. 245]. У Струве речь шла об одной вещи, которая качественно меняется. Всё ведь сводится к вопросу: может ли общество качественно измениться в результате скачка? В примере Плеханова нет того субъекта изменений. Атомы водорода и кислорода остались теми же самыми, изменилось их расположение, между ними появились новые связи.

Ещё пример: «Положим, что в данной стране существует закон, ограничивающий рабочий день девятью часами в сутки. Но рабочие находят, что их труд все-таки слишком продолжителен, и требуют сокращения рабочего дня до восьми часов. Законодатель исполняет, наконец, их требование, и вот с такого-то числа, скажем, хоть с первого января следующего года, восьмичасовой рабочий день становится законным рабочим днем. Спрашивается, можно ли здесь говорить о каких-то *«бесчисленных степенях»*, которые отделяют новый закон от

старого? Ясно, что нельзя: таких степеней и не было; законодатель *сразу* передвинул предел рабочего дня на один час. Тут был *saltus*, — хотя, разумеется, и не такой большой, как общественный переворот, — и если мы, “не теряя скачков”, заговорим о “непрерывности”, то скоро вынуждены будем сознаться, что здесь ее не было и что поэтому “здесь” интеллект ее “не терпит”. Выходит, что без скачков не обойдешься даже и в “социальной реформе»» [5, с. 245-246]. Здесь опять нет субъекта изменений. Был один закон, потом он был отменён, появился второй закон. А истинный субъект изменений, общество, менялось непрерывно, без скачков.

6. Струве отвергает марксистскую теорию обнищания пролетариата и связанную с ней теорию размывания среднего класса. Обнищание, по Марксу, выражается в увеличении нормы прибавочной стоимости (=степени эксплуатации), то есть в отношении прибавочной стоимости к общей сумме заработной платы. Увеличение нормы прибавочной стоимости=степени эксплуатации пролетариата может происходить в результате: 1) снижения зарплаты, 2) удлинения рабочего дня, 3) интенсификации труда. Всё! Но в действительности мы не наблюдаем ни снижения заработной платы, ни удлинения рабочего дня, а скорее, наоборот. А интенсификация труда хоть и присутствует, но имеет физические ограничения. Так что теория обнищания рассыпается. Но если бы обнищание имело место, то как нищий пролетариат смог бы реализовать свою всемирную миссию, которая, среди прочего, предполагает прогресс культуры?

Если Струве об обнищании написал менее двух страниц, фактически полтора десятка предложений, то Плеханов посвящает доказательству теории обнищания целую статью, которая в собрании сочинений занимает более пятидесяти страниц. Обозревая все его потуги, можно утверждать: теория обнищания рушится под напором данных статистики, но ортодоксальные марксисты затрачивают титанические усилия, чтобы хотя бы у самих себя сохранить остатки уверенности в её правоте. Уже тогда теория обнищания многим виделась анахронизмом. Но она ведь представляла собой невынимаемый кирпичик во всём марксистском сооружении. Поэтому дожила в советском ортодоксальном марксизме до самого конца советской власти. Важно отметить следующий факт. Плеханов исповедует теорию только относительного обнищания рабочего класса и, разумеется, уверен, что так именно считал Маркс [3, с. 221-222]. А в советском марксизме имел место более жёсткий вариант: теория относительного и абсолютного обнищания рабочего класса. Поэтому Плеханов в советских учебниках, словарях и т.д. традиционно критиковался за отказ от теории абсолютного обнищания рабочего класса.

7. С теорией обнищания связана теория крушения капитализма. Струве пишет, что «достаточно еретически настроен, чтобы спросить: действительно ли означает “крушение” капиталистического общества победу социализма?» [3, с. 117]. Его ответ, очевидно, отрицательный. Для обоснования своей позиции Струве в этом месте впервые использует методологический приём, который станет визитной карточкой его научной деятельности: борьбу с абсолютизацией и мифологизацией общих понятий. Капитализм и социализм в теории крушения мыслятся как реальные сущности, и «противоборство этих якобы реальных сущностей представляется так, будто одна призвана поглотить другую. А ведь это лишь различные образы одного живого целого, общества. То, что в нём происходит классовая борьба, не должно заслонять от нас того, что общий субстрат, на котором и в котором разыгрываются эти классовые битвы, имеет известные общие условия существования, которые не могут быть устранены никаким противоборством интересов» [3, с. 118]. «Крушение капитализма» является всего лишь красочной метафорой постепенного превращения капиталистического общества в социалистическое и должно быть удалено из научного словоупотребления.

В конце статьи Струве поднимает важную проблему: должна ли социал-демократия отказать от всех утопических и теоретически неверных положений марксизма? Струве уверен, что от конечной цели – построения социализма – социал-демократия не может отказаться

ся никак, она от этого перестанет быть собой. Многое другое, а именно весь «социально-исторический утопизм» хоть и можно, вообще говоря, «отмыслить», но он настолько глубоко врос в социал-демократическую религию, что это вряд ли удастся в ближайшем будущем. «Для каждого, кто чувствует себя социалистом, утопическое и революционное в нем так же дороги, или даже ещё более дороги, чем реалистическое» [3, с. 127]. Даже столь авторитетному и острому уму Берштейна не удастся убедить социал-демократов в несостоятельности революционных идей. Да и не беда, довольно неожиданно заключает Струве, «мысль, что только верные по содержанию или истинные идеи могут производить полезное действие на личную и общественную жизнь, есть рационалистический предрассудок. Научно ложные идеи могут, в силу своего психологически обусловленного действия, оказывать на общественную жизнь могущественное и благотворное влияние. Они могут приводить к политически верным действиям» [3, с. 123]. Подобных мыслей, что ложные идеи могут приводить к верным действиям, Струве никогда больше не высказывал.

Заключение же Плеханова следующее: «Историческая миссия наших «критиков» заключается в «пересмотре» Маркса для устранения из его теории всего ее социально-революционного содержания. Маркс, имя которого с увлечением повторяется теперь пролетариями всех цивилизованных стран; Маркс, который призывал рабочий класс к *насильственному* низвержению нынешнего общественного порядка, Маркс, который, по прекрасному выражению Либкнехта, был революционером *и по чувству и по логике*, этот Маркс очень несимпатичен нашей образованной мелкой буржуазии, идеологами которой являются гг. «критики». Ее отталкивают его крайние выводы; ее пугает его революционная страсть. Но «по нынешним временам» трудно обойтись и совсем без Маркса: *его* критическое оружие необходимо в борьбе с охранителями всех реакционных цветов и с утопистами разных народнических оттенков. Поэтому надо очистить теорию Маркса от ее плевел; надо противопоставить Марксу-революционеру Маркса-реформатора, Маркса-«реалиста». «Маркс против Маркса!» И вот закипает работа «критики». Из теории Маркса выбрасываются одно за другим все те положения, которые могут служить пролетариату духовным оружием в его революционной борьбе с буржуазией. Диалектика, материализм, учение об общественных противоречиях как о стимуле общественного прогресса; теория стоимости вообще и теория прибавочной стоимости в частности, социальная революция, диктатура пролетариата – все эти необходимые составные части марксова научного социализма, без которых оно утрачивает все свое существенное содержание, объявляются *второстепенными частностями*, не соответствующими нынешнему состоянию науки... И мало-помалу из горнила «критики» выходит такой Маркс, который, мастерски доказывая нам историческую необходимость *возникновения капиталистического способа* производства, обнаруживает очень большой скептицизм во всем том, что касается замены капитализма социализмом. Из *Маркса-революционера* «Критика» ухитряется сделать *Маркса-почти-консерватора...*» [5, с. 269-270]. Многие положения ревизионизма Плеханов указал верно. Но Струве не претендовал на то, что он предлагает аутентичный марксизм. Он прямо указывал, что большинство основополагающих идей Маркса неверны.

Выводы

Кто был прав в этой полемике, показала история. Но не сразу. Немецкая социал-демократия осудила Бернштейна, но он остался в партии и с удовлетворением наблюдал, как партия идёт по указанному им пути. Струве же был жёстко извергнут из рядов российской социал-демократии. Российская социал-демократия отвергла реформизм не только в теории, но и на практике. Ирония истории состояла в том, что главный борец с реформизмом и теоретик радикализма Плеханов оказался недостаточно радикален, когда дело дошло до революции. И не только Плеханов. Все самые яркие критики ревизионизма: Струве, критики с ортодоксальных марксистских позиций (Мартов, Аксельрод, Потресов) – тоже оказались недостаточно радикальны в сравнении с реальными творцами революции и после октября 1917 года оказались вместе со Струве в эмиграции. До своей смерти в 1944 году Струве мог

наблюдать и в русской, и европейской реальности торжество радикализма и провал реформизма. Для него лично это не играло никакой роли, он исповедовал этический постулат, что должное из сущего не выводится, оно всегда утверждается самостоятельно. После Второй мировой войны произошёл подлинный расцвет европейской социал-демократии, и даже европейские коммунисты отказались от курса на революцию и установление диктатуры пролетариата. А с падением коммунистических режимов в 1991 году марксизм в ортодоксальном варианте остался уделом мелких маргинальных групп. При этом многие элементы ортодоксального марксизма (законы диалектики, представление о революции как смене одного строя другим и т.д.), критикуемые Струве более ста лет назад, остаются важным элементом российского образования. Что, безусловно, неприемлемо.

Литература

1. Ленин В.И. ПСС. Т. 48, с. 296 и Т. 42, с. 290.
2. Пайпс Р. Струве: левый либерал. 1870-1905. Т.1. М., 2001.
3. Струве П.Б. Марксова теория социального развития. Критический опыт./ Перевод А.В. Чусовой под редакцией Н.С. Плотникова. // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год. Под редакцией М.А. Колерова. М.:ОГИ, 2000.
4. Струве П.Б. [Рец.] E.Bernstein/ Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie; K. Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm (1898) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год. Под редакцией М.А. Колерова. – М.: ОГИ, 2000.
5. Плеханов Г.В. Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития. // Плеханов Г.В. Сочинения. Под редакцией Д. Рязанова. Т. XI. М., б.г. (1923?).
6. Струве П.Б. Марксовская теория социального развития. Критические исследования Петра Струве. / Издание Б. Яковенко и М. Власенко; Перевод с немецкого Б. Яковенко. - Киев, 1905.
7. Струве П.Б. Социализм. Критический опыт. // Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова. - М.: Республика, 1997. с. 422-423.
8. Баркова И.Н. Пути и способы преодоления социального зла в русской философии. 0,3 п.л.

Введение в философию Габриэля Марселя

к.ф.н. доц. Гусейнов Ф.И.
РЭУ им. Г.В.Плеханова
metafizika@mail.ru

Аннотация. Статья знакомит с основным кругом проблем, поднятых в творчестве Г. Марселя, основоположника французского экзистенциализма, являющегося крупным философским течением XX века. В ней исследуется эволюция и классификация «экзистенциализма», экзистенциально-феноменологический метод, исходные онтологические тезисы. Автор приходит к заключению, что религиозно-философское учение Марселя представляет собой вариант пост-теизма в современной западной культуре как отход от традиционных интерпретаций реальности.

Ключевые слова: экзистенция, неосократизм, новый орфизм, христианский экзистенциализм, бытие, существование, онтологическая потребность, метапроблема, пост-теизм, французская философия

Целью настоящей статьи является знакомство с главными положениями классика и зачинателя французского экзистенциализма Габриэля Марселя. Вначале будет дана краткая биография философа, затем постановка центральных проблем его философии и в конце небольшое заключение.

Габриэль Марсель Оноре (1889-1973) – французский католический философ и драматург. Его перу принадлежат несколько десятков пьес и философских произведений, ставших